

**In MEMORY of PROFESSOR
VERONICA NIKOLAEVNA TELIA (1930-2011)**

**Искрометная, красивая, талантливая
профессор Вероника Николаевна Телия (1930-2011)**

Ушла.

Ушла из жизни? Это неправда, этого не может быть. Такие люди не уходят. И все, кто знает Веронику Николаевну, никогда в это не поверят. Она всегда собирала вокруг себя толпы. И опять она собрала нас вокруг себя. И мы увидели, как нас много. И мы еще раз увидели, какая она.

Ученики, коллеги, многочисленные книги, всегда экспрессивные, выступления на научных конференциях. И ее последнее выступление о языке и культуре, о культурном коде. На собственном юбилее. Медленное произнесение каждого слова ее научного доклада проникало глубоко в сердце и душу, в понимание каждого, кто ее слушал, затаив дыхание. Это было величественное, красивое, внушительное выступление, из него многим стало, наконец, понятно, что такое культурный код русского языка. Веронике Николаевне удалось извлечь культурный код из фондов русского языка и предъявить его нам сквозь призму фразеологии.

Уже одним только этим фактом Вероника Николаевна обессмертила свое имя и прославила русскую фразеологию.

* * *

Веронику Николаевну Телия я увидел впервые на одной из конференций в 1980-х годах: она должна была руководить секцией. Народу в аудитории собралось много, в том числе и именно потому, что секцией должна была руководить она. К этому времени я прочитал всего лишь одну из её работ «Что такое фразеология» и считал Веронику Николаевну фразеологом. Она задерживалась к началу заседания и, можно сказать, влетела в аудиторию с группой каких-то людей. Но я видел только её: порывистую, красивую, высокую, стройную.

Вела секцию Вероника Николаевна очень живо и остроумно. По её комментариям к каждому докладу я понял, что я ошибся в своём мнении относительно её узкой специализации в области русской фразеологии. Это был специалист по общему языкознанию с обширными знаниями в этой сфере науки.

Через некоторое время после конференции я решился написать ей письмо. В тот период я работал над разделом своей докторской диссертации, в которой исследовал явление коннотации. У меня было уже написано учебно-методическое пособие «Эмотивный компонент значения и методы его исследования» и опубликовано несколько статей, посвященных проблеме коннотации, в журнале «Тетради переводчика». Я послал Веронике Николаевне свою методичку, книжка её очень заинтересовала, и прежде всего тем, что там было написано о коннотации. Я считаю, что именно тогда у неё родилась идея написать свою книгу о коннотативном значении лексики.

Вероника Николаевна запросила у меня литературу по данному вопросу, всю, которая у меня была дома, и список книг по данной проблеме.

Во время своей поездки в Москву я встретился с Вероникой Николаевной у неё дома. И на фоне той величественности, недостижимости и даже какой-то царственности, с которой она предстала передо мной на той конференции, меня особенно поразила её простота, уютность, доступность дома. С особым изумлением и очень сильно опешив, я наблюдал, как она в своей прихожей опустилась на колени в поисках подходящих для меня домашних тапочек. Она держала себя со мной как с давним если не другом, то хорошим знакомым. И это покорило меня навсегда.

С этого визита началась наша долгая, тёплая, противоречивая дружба, приведшая к тому, что десять лет назад она сама перешла со мной на «ты», на первое имя, и потребовала от меня того же.

В тот день мы несколько часов говорили о коннотации. Я рассказывал Веронике Николаевне всё, что я знал об этом. Тогда же мы составили план её книги «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» (1986г.).

Когда я привёз Веронике Николаевне текст своей докторской диссертации, она собралась в Звенигород, в пансионат на отдых, чтобы покататься там на лыжах. Так я узнал, что она ещё и спортсменка и понял, почему она в такой прекрасной форме. Меня очень огорчило, что она уезжает на две недели. А это значило, что я не скоро узнаю её мнение о своей работе. Она эту мысль «прочитала» на моём лице и рассмеялась: «Разве Вы на отдыхе не занимаетесь наукой? Через неделю жду Вас в Звенигороде», - сказала она.

И через неделю рано утром я был там. Помню солнечный, морозный январский день 1987 года. Пансионат я нашёл, но Вероники Николаевны в номере не было. Мне сказали, что она делает пробежку на лыжах после завтрака. Вскоре появилась Вероника Николаевна, в красивом лыжном костюме, раскрасневшаяся. Мы поздоровались, она сняла лыжи, резво взбежала по ступенькам пансионата в холл, где оставила лыжи, и повела меня в свой номер.

Там мы сразу же сели к письменному столу. Я увидел листы своей диссертации, «распаханные и перепаханые» её карандашом. И Вероника застрекотала (по-иному её речь нельзя было и назвать). Она то хвалила, то бранила, то возмущалась, то сердилась, то выговаривала. То ей не нравился какой-то термин (она требовала большей простоты, большей логики в изложении, более чётких определений). То не нравилось моё понимание экспрессивности, из-за которого у нас не раз были серьёзные разногласия. Тогда она была моим научным консультантом, и от неё зависело, выпустит ли меня сектор языкознания на защиту диссертации.

Читая проект моей докторской диссертации, Вероника Николаевна несколько раз «выговорила» мне за словосочетание «буржуазная лингвистика», которую я «пощипывал» в своей работе. Никогда не забуду её громадные возмущённые глаза, которые столкнулись в первый раз с этим словосочетанием в моём тексте и, оттолкнувшись от него, взметнулись к

моим глазам. В них ещё до того, как она произнесла возмущённую тираду, я прочитал, что сейчас будет «порка». «Какая такая «буржуазная»? Нет никакой буржуазной лингвистики! Есть одна-единственная, на всех! Лингвистика! Подумай, какой критик! И нечего в лингвистике критику разводиться! Наша наука субъективная, зависящая от концепции учёного, и каждый имеет право на свою точку зрения! Лишь бы он логично и непротиворечиво ее аргументировал». С того момента я помню эти её слова, и сколько бы ни читал работ В.Н. Телия, нигде не встречал в них резкой критики в адрес ни зарубежных, ни отечественных лингвистов.

Как-то я подарил Веронике Николаевне очередной сборник со своей статьей, и при встрече с В.Н. Телия опять увидел карандашные следы на полях моей статьи в этом сборнике. Но на этот раз это были следы согласия, её принятия и удовольствия.

Вероника Николаевна не раз просила меня о рецензиях на её книги. Я это с удовольствием делал, и ей они нравились. Так было и когда она выпустила «Большой фразеологический словарь русского языка», готовившийся ею многие годы. Совершенно уникальный, концептуально новый тип лингвокультурологического словаря, в котором использована разработанная ею новая методика лексикографического описания с вычленением культурного кода каждой фразеологической единицы. В очередной раз я был изумлён её талантом с бесконечными концептуальными валентностями.

Чтобы прорекламирровать словарь В.Н. Телия, я опубликовал рецензию на словарь в Словении, Болгарии, Украине и в нескольких российских и региональных изданиях. Есть она и в электронном издании. И Вероника Николаевна не раз мне с удовольствием сообщала об огромном количестве её интернет-читателей. Получается, что Вероника Николаевна стала надолго моим постоянным Учителем с большой буквы: даже рецензируя её работы, я продолжаю учиться у неё научной скрупулёзности, добросовестности, исследовательской глубине. Рецензии на работы В.Н. Телия – это форма благодарности ей не только за научное руководство моей докторской диссертацией, но и за науку быть исследователем, ученым.

Думаю, к сказанному присоединятся многие другие ученые, чья жизнь или научная работа соприкасалась с талантом этой женщины.

* * *

Мы не прощаемся с Вами, Вероника Николаевна, вы никуда от нас не ушли. Вы, как и прежде, остаетесь нашей совестью. Мы – кто Вас знает, любит и очень высоко ценит – сохраним память о Вас, и Вы будете с нами в своих многочисленных статьях, книгах, словарях, в наших воспоминаниях.

Спасибо Вам за Вашу дружескую теплоту, научную щедрость, человеческую честность, открытость. Ваша жизнь продолжается в каждом из нас.

*Ваш вечный ученик
В.И. Шаховский*

